

RemVoVo

ПОМОЩНИК

ВЕДЬМЫ

RemVoVo

Помощник ведьмы

«Автор»

2026

RemVoVo

Помощник ведьмы / RemVoVo — «Автор», 2026

Алекс Шепард ненавидел свою серую жизнь, пока дождливым вечером не нашёл древний амулет. Он перенёс его в мир двух лун, где магия — реальность, а за каждым деревом скрывается опасность. Здесь он стал Непроклинаемым — единственным, на кого не действуют проклятия. Его путь привёл к Морвене — ведьме, чьё лицо обезображено, а душа разбита предательством архидемона. Она ждала его сто лет. Взамен на обучение магии он должен помочь ей снять проклятие. Но чем глубже Алекс погружается в тайны этого мира, тем сильнее становится его связь с ней. Он готов сражаться за её свободу. И за любовь, которая сильнее любой тьмы. Осторожно: магия, страсть и битва за счастье. 16+

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: АМУЛЕТ НА ТРОТУАРЕ	5
ГЛАВА 2: ПРОБУЖДЕНИЕ В ЛЕСУ	9
ГЛАВА 3: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАГИЕЙ	12
ГЛАВА 4: ДЕРЕВНЯ НА ОПУШКЕ	15
ГЛАВА 5: ПУТЬ К БАШНЕ	18
ГЛАВА 6: ВСТРЕЧА С МОРВЕНОЙ	20
ГЛАВА 7: ТАЙНА ИММУНИТЕТА	24
ГЛАВА 8: ПРЕДЛОЖЕНИЕ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

RemVoVo

Помощник ведьмы

ГЛАВА 1: АМУЛЕТ НА ТРОТУАРЕ

Нью-Йорк. Осень. Дождь.

Октябрь в Нью-Йорке пахнет гниющими листьями и предательством. Алекс Шепард знал этот запах лучше, чем запах собственного тела после душа. Он стоял на углу Сорок второй и Восьмой, смотрел на красный свет светофора и думал о том, что его жизнь — это бесконечный цикл ожидания. Ожидания зеленого света. Ожидания повышения. Ожидания, что кто-то, наконец, скажет: «Ты не зря здесь».

Никто не говорил. Вместо этого начальник — толстый мужчина с лицом, которое хотелось приложить к горячей плите, — вчера присвоил его проект. Двухлетняя работа. Бессонные ночи. Алгоритм, который мог бы изменить индустрию, переименовали в «Vision AI 2.0» и поставили подпись Стивена Райана в углу слайда презентации. Алекс смотрел, как его идею расчленили на корпоративном собрании, и чувствовал, как что-то внутри него умирает. Не гнев. Не обида. Что-то более глубокое. Надежда, наверное. Вера в то, что честный труд когда-нибудь будет вознагражден.

Он уволился в тот же день. Не эффектно, с хлопком двери или криками. Просто зашел к Стивену, положил бейдж на стол и сказал: «Я ухожу». Стивен не оторвался от монитора. «Хорошо, Алекс. Удачи. Будешь искать работу — позвони. Могу дать рекомендацию». Алекс смотрел на него и думал: «Ты даже не знаешь, как меня зовут. Ты просто прочитал мое имя на бейдже».

Теперь он стоял под дождем, без зонта, в пальто, которое промокло насквозь, и чувствовал, как вода просачивается сквозь ткань к коже. Холодно. Сыро. Как и всегда в этом городе.

Дождь в Нью-Йорке особенный. Он не освежает, не успокаивает. Он липкий, назойливый, как воспоминания о неудачах. Капли падали на асфальт, разбивались в серую кашу, смешивались с грязью и маслом. Алекс опустил взгляд — и увидел блеск. Что-то металлическое, серебристое, лежало прямо в луже, как будто ждало, пока он его заметит. Блеск был странным. Не таким, как отражение фонаря или витрины. Он был глубже. Как будто свет шел изнутри самого предмета.

Алекс наклонился. Пальцы коснулись холодного металла — и он понял, что не может оторвать руку. Это было странное ощущение, как будто кто-то взял его запястье и прижал к чему-то магнитом. Он поднял амулет. Маленький, размером с монету в пять центов, с выгравированными рунами, которые невозможно было прочитать. Не потому, что они были незнакомыми, а потому что язык не существовал в природе. Линии изгибались неправильно, пересекались под углами, которых не должно было быть. И от них исходил свет.

Алекс смотрел на амулет. Дождь перестал. Не так, как перестает обычный дождь — постепенно, с последними редкими каплями. Он просто замер. Капли висели в воздухе вокруг него: одна прямо перед лицом, другая — над плечом, третья — на уровне колена. Он смотрел на них, и они не падали. Мир остановился.

«Что за херня?» — сказал он вслух. Голос звучал глухо, как будто из-под воды. Эхо. Никакого эха. Город замолчал. Машины на Восьмой авеню стояли неподвижно. Водители застыли за рулем с открытыми ртами, как будто их сфотографировали в момент крика. Алекс выдохнул. Пар изо рта не поднимался вверх. Он просто повис, как и капли дождя.

«Бред, — сказал он себе. — Это бред. Я слишком устал. Я, наверное, сплю. Может, я все еще на собрании, и Стивен говорит свою бесконечную речь о синергии и инновациях».

Но амулет обжигал ладонь. Не огнем, нет. Чем-то другим. Теплом, которое шло изнутри него самого. Как будто амулет резонировал с его кровью, с его костями, с чем-то, чего Алекс не знал о себе. Он попытался разжать пальцы, но мышцы не слушались. Амулет приклеился к его руке.

«Отпусти, — скомандовал он. — Отпусти сейчас же».

Ничего не изменилось. Свет внутри рун стал ярче, и Алекс увидел, как от амулета тянутся тонкие серебряные нити — они проходят сквозь его кожу, сквозь сухожилия, сквозь вены. Он не мог их коснуться, но чувствовал, как они вплетаются в него, как паутина в ствол дерева.

«Это не сон, — понял он. — Это происходит на самом деле».

Он попытался вспомнить что-нибудь нормальное. Рутину. Свою квартиру в Бруклине, с облезлыми обоями и сломанным краном, который капал каждую ночь в три утра. Еду в микроволновке, которая всегда была слишком горячей или слишком холодной. Лицо матери в рамке на столе — она умерла пять лет назад, и он так и не купил цветы на ее могилу. Ничего. Все это казалось далеким, ненастоящим, как старый фильм, который смотрел в детстве.

«Ты хочешь знать, кто ты», — сказал голос. Не внутри головы. Снаружи. Но рядом никого не было. Только застывшие машины и застывший дождь.

«Кто это сказал?» — спросил Алекс. Он повернулся. Никого.

«Ты уже знаешь ответ, — продолжал голос. Он был низким, мягким, почти женским, но не совсем. Как шелест листьев под ветром. — Ты всегда знал. Просто забыл».

Алекс сжал амулет сильнее. Руны на его поверхности начали вращаться, складываясь в узоры, которые двигались, как живые. Он видел, как свет проходит сквозь его пальцы, окрашивая кожу в серебряный. Внутри груди что-то откликнулось — не боль, а дрожь. Как будто сердце ударило о ребра с другой стороны.

«Я никуда не пойду, — сказал он, хотя сам не знал, кому это говорит. — Я просто устал. Я хочу домой».

Голос засмеялся. Тихо, почти нежно. «Твоего дома больше нет, Алекс. Ты сам его уничтожил, когда перестал в нем жить. Ты был там, но тебя не было. Ты ходил, работал, ел, спал — но не был живым».

Он хотел возразить, сказать, что это неправда, что у него есть друзья (двое, с которыми он не виделся полгода), есть хобби (чтение технических статей, которое давно перестало приносить удовольствие), есть планы (отправиться в отпуск, когда накопит деньги — уже третий год подряд он не мог накопить). Но слова застряли в горле. Потому что голос был прав. Он не жил. Он существовал. Как программа, которая работает в фоновом режиме.

«Что я должен делать?» — спросил он. Голос не ответил. Вместо этого амулет начал нагреваться быстрее. Серебряные нити впились глубже, и Алекс почувствовал, как они тянут его вниз. В асфальт. В лужу. В черную воронку, которая открылась у его ног.

Он посмотрел вниз. Асфальт плавился. Нет, не плавился — он превращался во что-то жидкое, темное, как нефть. Воронка расширялась, и Алекс видел, как в ней кружатся огни — не фонарей, а звезд. Целых галактик. Миров. Он увидел в этой черной глубине две луны, деревья, которые светились изнутри, и женщину с лицом, изуродованным шрамами, которая смотрела на него зелеными глазами.

«Кто это?» — хотел спросить он, но воронка затянула его. Не больно. Странно — как будто он нырнул в теплую воду, но не в воду, а в свет. Он чувствовал, как амулет на его шее пульсирует в такт с сердцем.

Последнее, что он увидел перед тем, как провалиться, — свое лицо в луже. Не отражение, а самого себя. Алекс Шепард смотрел на Алекса Шепарда, который стоял на тротуаре, и оба они были мокрыми, уставшими и... улыбались. Почему он улыбался? Он не чувствовал радости уже несколько лет. Но в отражении он улыбался.

«Ты наконец-то идешь домой», — услышал он последние слова. И провалился в свет.

Прошла секунда. Или минута. Или час. Алекс не мог сказать. Время потеряло значение. Он чувствовал себя так, будто его разобрали на части и собрали заново — только неправильно. Кости не болели, но они как будто не были его костями. Мышцы дрожали, как после долгого сна, который длился слишком долго.

Он открыл глаза. Или думал, что открыл. Там, где были глаза, все еще была тьма, но не пустая. Тьма, полная звезд. Потом звезды сжались, превратились в точки света, и Алекс понял, что он не спит. Он лежит на чем-то мягком. Влажном. Трава.

Трава пахла так, как не должна пахнуть трава в Нью-Йорке. Она пахла жизнью. Озоном, как после грозы, и чем-то сладким — ягодами, которые он не мог назвать. Алекс приподнял голову и увидел небо. Две луны. Две огромные, яркие луны, висящие на небе, которое было не черным, а фиолетовым. Глубоким, как бархат. И звезды — не как точки, а как светящиеся океаны, в которых плавали созвездия, непохожие на те, что он знал.

«Нет, — сказал он. — Нет, нет, нет».

Он сел. Его тело болело, но не так, как после тренировки. Как будто он долго-долго не шевелился. Позвоночник хрустнул, суставы отозвались хрустом, и Алекс понял, что он не в Нью-Йорке. Он вообще не в том мире.

Перед ним был лес. Но не такой, как в Центральном парке или даже в Адирондаке. Деревья были высокими, как небоскребы, с корой, которая светилась тусклым голубым светом. Каждое дерево казалось живым — не в метафорическом смысле, а в буквальном. Листья двигались сами по себе, как будто их гладил невидимый ветер, но воздуха не было. Воздух стоял неподвижный, теплый, влажный, и пах лесом — мхом, грибами и чем-то древним.

Алекс встал. Его ноги держали, но слабо. Он сделал шаг и чуть не упал, схватившись за ствол ближайшего дерева. Кора была горячей. Не обжигающе, но явно теплее, чем должна быть кора. И она пульсировала. Как вена.

«Дыши, — сказал он себе. — Просто дыши».

Он сделал глубокий вдох. Пахло озоном. Сладким. И еще чем-то — серой, что ли, и дымом. Запах, который он чувствовал в детстве, когда его дед курил трубку. Но дед умер двадцать лет назад.

«Ты в шоке, — сказал он себе. — Ты просто в шоке. Это все галлюцинации. Ты ударился головой о тротуар, и теперь лежишь в больнице. Скоро придет медсестра и сделает укол».

Но вместо медсестры из-за дерева вышло существо. Сначала Алекс подумал, что это олень. Высокий, тонкий, с грациозной шеей и большими темными глазами. Но у оленей не бывает человеческого лица. Не бывает рук, которые заканчиваются длинными, почти как пальцы, копытами. Не бывает шерсти, которая переливается всеми цветами, как масло на воде.

Существо смотрело на него. Алекс смотрел на существо. Они стояли друг напротив друга, и Алекс понимал, что это самое странное мгновение в его жизни. Даже страннее, чем амулет на тротуаре. Потому что существо было реальным. Оно двигалось. Оно дышало. Его глаза, огромные и черные, как две бездны, смотрели на Алекса с любопытством и, кажется, с узнаванием.

«Ты... ты меня видишь?» — спросил Алекс. Он сам не знал, зачем говорит это. Существо молчало. Просто смотрело. Потом наклонило голову, как собака, которая слышит незнакомый звук.

Алекс выдохнул. Его голос дрожал. «Ты не можешь говорить, да?»

Существо моргнуло. Медленно, как рептилия. И исчезло. Не побежало, не скрылось — просто перестало быть. Алекс моргнул, и его уже не было. Только следы на мягкой земле — длинные, тонкие, с отпечатками копыт, которые больше походили на следы человеческих ног.

«Окей, — сказал Алекс. — Окей. Это происходит».

Он оглянулся. Амулет по-прежнему был у него на шее. Серебряная цепочка, которую он не видел раньше, теперь висела на нем. Алекс провел пальцем по рунам — они были теплыми, как его собственная кожа. И когда он коснулся их, он услышал шорох. Тысячи голосов. Шепот.

«Он пришел, — шептали голоса. — Непроклинаемый. Он пришел».

Алекс опустил на траву. Тело дрожало. Он не знал, что делать — бежать, кричать, плакать, смеяться. Все это казалось правильным и неправильным одновременно. Но он знал одно: этот мир был реален. И он был в нем. Навсегда.

Он поднял голову и посмотрел на небо. Две луны висели над ним, огромные, близкие. На одной из них он увидел кратеры — такие же, как на земной луне, только больше, глубже, как шрамы на лице. Он смотрел и не мог отвести взгляд. Потом — тихо, почти беззвучно — он рассмеялся.

«Ты идиот, — сказал он сам себе. — Ты просто идиот. Ты хотел перемен, Алекс? Ты хотел почувствовать что-то, кроме скуки? Ну, получил».

Он лежал на траве, смотрел на две луны и чувствовал, как его сердце бьется ровно. Удивительно, но он не паниковал. Не боялся. Он был напуган, да, но где-то в глубине души что-то было спокойно. Как будто он всегда знал, что это случится. Как будто амулет ждал его именно в тот момент, когда он был готов уйти.

«Ладно, — сказал он, вставая. — Надо найти людей. Или кого-нибудь. Или чего-нибудь. Что угодно».

Он пошел по тропинке, которая вела через светящийся лес. Странно, но он не чувствовал страха перед тем, что скрывалось в темноте. Только усталость и любопытство.

Он прошел около двадцати метров, когда услышал шорох за спиной. Он обернулся. Деревья стояли неподвижно. Но одно из них — то, что было самым близким к тропинке — было не совсем деревом. Это была фигура. Человеческая. Женская. Или мужская? Алекс не мог разобрать. Она была полупрозрачной, как дым, и стояла прямо перед ним, глядя на него зелеными глазами. Те же глаза, что он видел в воронке.

«Ты... ты Морвена?» — спросил он, не зная, почему назвал это имя.

Фигура исчезла. Осталась только легкая дрожь воздуха.

Алекс пошел дальше. Он знал: куда-то он идет. Зачем — он еще не понял.

ГЛАВА 2: ПРОБУЖДЕНИЕ В ЛЕСУ

Сознание возвращалось медленно, как утренний туман, который не спешит рассеиваться. Алекс чувствовал, что лежит на чём-то мягком и влажном, и это ощущение было одновременно чуждым и до боли знакомым — как воспоминание о детстве, когда он падал в траву и смотрел на облака, плывущие по небу. Но здесь не было облаков. Когда он открыл глаза, он увидел нечто такое, от чего его сердце пропустило удар.

Небо было фиолетовым. Не сумеречным, не ночным — глубоким, бархатистым, как лепесток ириса, и в нём висели две луны. Одна была огромной, бледно-голубой, с кратерами, которые походили на шрамы, и её свет струился мягко и холодно. Другая — маленькая, серебристая, почти прозрачная — пряталась за первой, как дитя за материнской юбкой. Они висели в неподвижности, не двигаясь по небу, как будто время застыло вместе с ними.

«Это сон, — подумал Алекс. — Просто очень странный, очень яркий сон».

Он попытался приподняться, и его тело отозвалось глухой, ноющей болью. Мышцы были слабыми, как у человека, который не вставал с постели много дней. Каждое движение давалось с трудом, и он чувствовал, как дрожат его руки, когда он опирался на них. Трава под ним была мягкой, тёплой, и она пахла не так, как трава в Центральном парке. Здесь пахло иначе — озоном, как после грозы, и чем-то сладким, почти приторным, как переспелые ягоды, которые он не мог назвать.

Он сел. Вокруг него был лес. Деревья, которые высились над ним, были невероятно высокими — их кроны терялись в фиолетовой дымке, и они светились. Не отражали свет, не бликовали в лунном сиянии — они светились сами, изнутри, слабым голубым свечением, которое струилось по коре, как кровь по венам. Трещины в стволах испускали тусклый свет, и корни, выступающие из земли, пульсировали в такт чему-то невидимому. Лес дышал. Алекс понял это не сразу, но когда он прислушался, он услышал это — тихий, глубокий вдох, который тянулся из самой земли, и выдох, который колыхал листья, хотя ветра не было.

«Ты не спишь, — сказал он себе. — Ты не спишь, и это не сон».

Он провёл рукой по груди и нащупал амулет. Тот висел на серебряной цепочке, которая плотно обхватывала его шею, и когда его пальцы коснулись рун, он почувствовал, как они нагреваются — мягко, успокаивающе, как будто амулет был живым и отвечал на его прикосновение. Он поднёс его к глазам и рассмотрел внимательнее. Руны были теми же, что и на тротуаре — теми же неправильными, невозможными линиями, которые изгибались под углами, запрещёнными геометрией. Но теперь они двигались. Медленно, едва заметно, они перетекали одна в другую, складываясь в узоры, которые он не мог прочитать, но которые он чувствовал кожей.

«Это реально, — прошептал он. — Это всё реально».

Он попытался встать. Его ноги подкосились, и он упал обратно на траву, чувствуя, как земля принимает его, как мать, которая держит уставшее дитя. Он сделал глубокий вдох и попробовал снова — на этот раз медленнее, осторожнее. Он поставил руки на колени, выпрямил спину, и, чувствуя, как дрожат его мышцы, поднялся на ноги. Они держали его, но он пошатывался, как новорождённый жеребёнок.

Воздух был тёплым и влажным, и он наполнял лёгкие странной, почти сладкой тяжестью. Алекс повернулся на месте, пытаясь понять, куда ему идти, и в этот момент он услышал шёпот. Он шёл изнутри деревьев — не откуда-то снаружи, а из самой сердцевины стволов, из глубины корней, которые уходили под землю на много метров. Он слышал его не ушами, а скорее чувствовал — как вибрацию, которая проходила сквозь его тело и оседала в груди.

«Он пришёл, — шептали голоса. — Непроклинаемый. Мы ждали его».

«Кто вы? — хотел спросить Алекс, но слова застряли в горле. Он стоял неподвижно, прислушиваясь, и голоса продолжали свой тихий, переливчатый разговор, который был похож на шелест листьев или на журчание ручья. Они не складывались в слова, но он понимал их. Как будто этот язык был его родным, хотя он слышал его впервые.

«Иди вперёд, — шептали голоса. — Она ждёт тебя. Она знает, кто ты».

«Кто она?» — спросил Алекс вслух, и его голос прозвучал глухо, как будто его накрыли одеялом. Но голоса не ответили. Они затихли, оставив его наедине с тишиной, которая была тяжелее любого шума.

Он огляделся. Лес был густым, но между деревьями вилась тропинка — узкая, едва заметная, протоптанная не человеком, но чем-то, что ходило на двух ногах. Алекс сделал шаг по ней, чувствуя, как трава касается его лодыжек. Его одежда была сухой — странно, потому что он помнил, как стоял под дождём в Нью-Йорке, и его пальто промокло насквозь. Теперь на нём не было пальто. Он был одет в простую рубашку, тёмные брюки и ботинки, которые выглядели так, будто их носили много лет. Они были старыми, но удобными, и он не помнил, чтобы когда-нибудь надевал их.

«Как это возможно? — спросил он себя. — Как я оказался здесь? Кто передел меня?»

Он шёл по тропинке, и лес вокруг него был полон звуков — тихих, почти неуловимых, как будто всё вокруг дышало, двигалось, жило своей жизнью. Птицы, которых он не видел, пели странные, неземные песни, и их голоса сплетались в мелодии, которые он никогда не слышал. Где-то вдалеке журчала вода, и её журчание успокаивало его, как колыбельная.

Он прошёл около ста метров, когда из-за дерева вышло существо. Оно появилось так внезапно, что Алекс замер на месте, не в силах пошевелиться. Оно было похоже на оленя — высокое, стройное, с длинной шеей и изящными ногами, которые заканчивались копытами, сверкавшими в тусклом свете. Но у него не было оленьей головы. Вместо морды у него было лицо — почти человеческое, с высокими скулами, тонким носом и глазами, которые были слишком большими, слишком чёрными, слишком глубокими. Они смотрели на Алекса, и в них было не животное любопытство, а понимание. Узнавание.

«Ты... ты меня видишь?» — спросил Алекс, и его голос дрогнул.

Существо наклонило голову, как собака, которая слышит незнакомый звук. Его глаза, две чёрные бездны, в которых не было отражений, смотрели на него с такой интенсивностью, что ему показалось, что они видят его насквозь — его мысли, его страхи, его прошлое. Он хотел сделать шаг назад, но его ноги приросли к земле.

«Ты не боишься меня», — сказала существо. Его голос был тихим, мелодичным, как звук струны, которую задела ветром. Он шёл не из глотки, а из самого воздуха, как будто существо было голосом, а не телом.

«Я... я не знаю, чего бояться, — сказал Алекс. — Я только что здесь. Я не знаю, где я. Я не знаю, кто я».

Существо моргнуло — медленно, как рептилия, — и сделало шаг вперёд. Оно двигалось бесшумно, и его копыта не оставляли следов на мягкой земле. Оно остановилось в метре от него, и Алекс почувствовал, как его тело наполняется странным, первобытным страхом. Не перед существом — перед тем, что оно могло сказать.

«Ты — тот, кого мы ждали, — сказала существо. — Ты — Непроклинаемый. Мы чувствуем твою чистоту. Она как свет в тёмном лесу».

«Что это значит? — спросил Алекс. — Почему я здесь?»

«Это не мне решать, — ответило существо. — Иди вперёд. Там, где лес встречается с водой, ты найдёшь ту, которая знает ответы. Но будь осторожен. Её проклятие сильнее моего».

Оно повернулось и исчезло — не убежало, не растворилось в воздухе, а просто перестало быть, как будто его никогда не существовало. Алекс остался один, и его сердце билось так быстро, что он слышал его в ушах.

Он опустился на колени, чувствуя, как земля касается его брюк, как трава щекочет его ладони. Его дыхание было прерывистым, и он пытался успокоить его, но слова существа эхом отдавались в его голове: «Непроклинаемый... чистота... она знает ответы».

«Ты справишься, — сказал он себе. — Ты справлялся с худшим. Стивен Райан. Одиночество. Жизнь, которая была пустой. Это просто новый этап. Ты просто должен идти вперёд».

Он поднялся на ноги. Его тело всё ещё дрожало, но он заставил себя сделать шаг. Потом ещё один. Он пошёл по тропинке, которая вела в глубину леса, и чувствовал, как его дыхание становится ровнее, как его сердце успокаивается. Лес вокруг него был странным и прекрасным, и каждый шаг приближал его к чему-то новому, неизведанному.

Он шёл долго. Может быть, час. Может быть, два. Время в этом месте было текучим, как вода, и он не мог сказать, сколько прошло, пока он блуждал между светящимися стволами, перепрыгивал через корни, которые выступали из земли, как змеи, и уклонялся от веток, которые тянулись к нему, как живые руки.

И вдруг он вышел на поляну. Она была круглой, залитой мягким светом двух лун, и в её центре стояла хижина. Небольшая, сложенная из тёмного дерева, с крышей, покрытой мхом, и окнами, затянутыми бычьим пузырём. Из трубы шёл дым — тонкий, едва заметный, но реальный.

Алекс подошёл к двери и постучал. Никто не ответил. Он толкнул её, и она открылась с тихим скрипом.

Внутри было пусто. Только старый стол, стул и полка с глиняными горшками. Но на полу лежало тело. Оно было старым, с седой бородой, и его руки были вытянуты в стороны, как у распятого. На его лице застыла маска ужаса, а его глаза — золотые, с вертикальными зрачками — смотрели в потолок.

Алекс замер на пороге. Он смотрел на мертвеца и чувствовал, как холод пробегает по его спине. Он не знал, кто это был, но в его руках была книга — толстая, в кожаном переплёте, с застёжками из меди. Он наклонился и взял её.

«Дневник охотника, — прочитал он на обложке, и слова слетели с его языка сами собой. — Иди к Морвене. Она знает ответы».

Алекс сжал книгу в руках и почувствовал, как внутри него поднимается странное, почти спокойное чувство. Он не знал, что ждёт его впереди, но он знал, что должен идти.

Он вышел из хижины и пошёл по тропинке, которая вела вниз, к болоту, где клубился туман. Вдалеке он увидел башню — чёрную, мрачную, с красными окнами. Она не отбрасывала тени.

«Морвена, — прошептал он. — Я иду к тебе».

ГЛАВА 3: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАГИЕЙ

Он шёл по тропе, которая извивалась между светящимися деревьями, и чувствовал, как его тело постепенно привыкает к этому странному миру. Воздух уже не казался таким тяжёлым, и дыхание стало ровнее, хотя сердце всё ещё билось быстрее обычного. В руке он сжимал книгу, которую нашёл в хижине — «Дневник охотника», и её кожаный переплёт был тёплым на ощупь, как живая плоть. Он не знал, зачем взял её с собой, но что-то подсказывало ему, что она может пригодиться.

Тропа вела его через лес, который становился всё гуще и темнее. Деревья здесь были не такими светящимися, как в начале пути — их кора была почти чёрной, и только редкие прожилки голубого света пульсировали на стволах, как вены на руках умирающего. Воздух стал влажным и тяжёлым, пропитанным запахом гниющей листвы и болотной воды. Алекс чувствовал, как этот запах оседает на языке металлическим привкусом, и его желудок сжимался от отвращения.

«Ты должен идти вперёд, — сказал он себе. — Ты должен найти её. Морвену. Она знает ответы».

Он сделал ещё несколько шагов, и вдруг лес перед ним изменился. Тени сгустились, и из них начали выползать фигуры — полупрозрачные, призрачные, с горящими глазами, которые смотрели на него с враждебностью. Они не были похожи на то существо-оленья, которое он встретил раньше. Эти были злыми. Их лица были искажены ненавистью, и они тянули к нему свои длинные, когтистые руки, пытаясь схватить его.

— Смертный, — прошептал голос, который шёл отовсюду и ниоткуда одновременно. — Ты нарушил границы леса. Ты вторгся в земли, которые принадлежат нам. За это ты будешь проклят.

Алекс замер. Его сердце билось так быстро, что он слышал его в ушах, но он не отступил. Он смотрел на тени, которые окружали его, и чувствовал, как его тело наполняется странным спокойствием. Это было не мужество — это было что-то другое, что-то более глубокое, что шептало ему: «Ты не боишься их. Они не могут причинить тебе вреда».

— Я не хочу причинять вам вреда, — сказал он, и его голос звучал ровно, без дрожи. — Я просто ищу ответы. Мне сказали, что Морвена знает, почему я здесь.

Тени засмеялись. Их смех был похож на треск сухих веток, и он отдавался в груди, как удар молота.

— Морвена? Ты хочешь найти Морвену? — сказал голос, и в нём послышалась насмешка. — Ты глупец, смертный. Её проклятие убьёт тебя быстрее, чем наши проклятия. Но мы не дадим тебе дойти до неё. Ты чужак. Ты несешь хаос. И мы накажем тебя за вторжение.

Из тени выступила фигура. Она была выше человеческого роста, полупрозрачная, сотканная из тумана и зелёного света. Её глаза горели, как два угля, и её руки были длинными и тонкими, с когтями, которые сверкали в темноте. Это был лесной дух — не такой, как тот, что говорил с ним ранее. Этот был враждебным. Яростным. Он смотрел на Алекса с ненавистью, и его голос звучал как скрежет камней.

— Смертный, — сказал он, — ты нарушил границы леса. Проклятие на тебя — пусть ноги твои станут корнями, пусть кожа твоя станет корой, пусть глаза твои затянутся мхом, и ты будешь стоять здесь вечно, как дерево, которое забыло, что оно было человеком!

Дух взмахнул руками, и зелёная энергия вырвалась из его ладоней, ударив в Алекса. Алекс закрыл глаза, ожидая боли — той самой, которая, как он читал в дневнике охотника, превращает людей в деревья. Он ждал, что его тело начнёт меняться, что кожа его станет твёрдой, как кора, что ноги вырастут в землю. Но ничего не произошло.

Он открыл глаза. Зелёная энергия рассосалась вокруг него, как дым, не причинив ему вреда. На его коже не было даже следа, и он чувствовал себя точно так же, как и раньше — живым, тёплым, человеком.

Дух замер. Его глаза расширились, и он отступил на шаг, как будто увидел нечто, что не могло существовать в природе.

— Что... что это? — прошептал он. — Почему ты не падаешь? Почему ты не превращаешься в дерево? Почему ты не кричишь от боли?

Алекс посмотрел на свои руки. Они были точно такими же, как и раньше — с обычной кожей, с пальцами, которые он мог сжимать и разжимать. Он почувствовал странное облегчение, смешанное с недоумением.

— Я... я не знаю, — сказал он. — Ты что-то сделал? Я ничего не почувствовал.

Дух снова взмахнул руками. На этот раз энергия была ярче, яростнее — она ударила в Алекса с такой силой, что он почувствовал, как его одежда колыхается от ветра. Но она прошла сквозь него, как вода сквозь сито, не оставляя ничего, кроме лёгкого тепла.

— Невозможно! — закричал дух, и в его голосе был ужас. — Ты не человек! Ты не смертный! Ты... ты Непроклинаемый!

Алекс вспомнил это слово. Оно прозвучало в ушах, когда он впервые пришёл в этот мир, когда деревья шептали ему, когда существо-олень смотрело на него своими чёрными глазами. Непроклинаемый. Теперь он понял, что это значит.

— Что такое Непроклинаемый? — спросил он, делая шаг вперёд. — Почему твои чары не действуют на меня?

Дух попятился. Его полупрозрачное тело дрожало, как желе, и его глаза горели уже не яростью, а страхом.

— Непроклинаемые — это избранные, — прошептал он, и его голос дрожал. — Те, кто рождён в мире без магии. Их души чисты, свободны от магических уз. Их нельзя проклясть, нельзя очаровать, нельзя подчинить. Они — сама свобода. Они рождаются раз в тысячу лет. Последний был... был в эпоху Первого Демона.

— И что я должен делать? — спросил Алекс. — Зачем я здесь?

Дух покачал головой, и его форма начала расплываться, как туман на ветру.

— Я не знаю! — закричал он. — Я не знаю! Но я знаю, кто знает. Иди к Морвене. Только она может объяснить тебе твоё предназначение. Она живёт на болоте, в башне, которая не отбрасывает тени. Иди к ней. Но берегись — её проклятие страшнее моего. Она — полукровка, дочь демона и эльфийки. Она может не захотеть тебя видеть. И если она взглянет на тебя с гневом, даже ты, Непроклинаемый, можешь не выжить.

— Но ты сказал, что я невосприимчив к проклятиям, — сказал Алекс. — Как она может причинить мне вред?

Дух засмеялся — тихо, с надрывом, и его смех был похож на плач.

— Ты невосприимчив к наложенным проклятиям, — сказал он. — Но её проклятие — это не магия. Это её природа. Она — порождение тьмы и света. Её взгляд проникает в самую душу. Если она захочет уничтожить тебя, она не будет использовать магию. Она просто... пожелает. И ты умрёшь.

Дух исчез. Тени, которые окружали Алекса, растворились в воздухе, оставляя его одного посреди чёрного леса. Он стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как его сердце колотится о рёбра. Он смотрел вперёд, где между стволами деревьев уже начинал клубиться туман, и вдалеке, над этим туманом, он увидел башню — чёрную, с красными окнами. Она не отбрасывала тени.

— Морвена, — прошептал он. — Я иду к тебе.

Он шагнул на тропу, которая вела вниз, к болоту. Туман расступался перед ним, как занавес, открывая путь. В воздухе пахло сыростью и гнилью, но он шёл вперёд, чувствуя, как

амулет на его груди пульсирует в такт с сердцем. Каждый шаг приближал его к чему-то новому, неизведанному.

Когда он подошёл к подножию башни, он остановился. Она была выше, чем казалась издали, и её стены были покрыты рунами, которые светились тусклым красным светом. В окнах мерцал огонь, и изнутри доносился запах трав — тех же, что он чувствовал в хижине охотника. Полынь. Дым. Что-то сладкое, почти приторное.

Он постучал в дверь. Она была тяжёлой, деревянной, обитой железными полосами. Его костяшки стукнули по ней, и звук отдался эхом, как удар колокола.

Дверь открылась сама. Внутри было темно, и только красный свет из окон падал на каменный пол, создавая причудливые тени. Алекс переступил порог, и дверь за ним закрылась с глухим стуком.

Из темноты вышла фигура. Она была высокой, тонкой, одетой в чёрный плащ, и её лицо было скрыто капюшоном. Но он видел её руки — длинные, бледные, с чёрными ногтями, которые были как обсидиановые лезвия. Она подняла голову, и капюшон упал.

Алекс смотрел на неё. Он ожидал ужаса — все предупреждали его, что её лицо вселяет ужас. Но он не увидел уродства. Он увидел шрамы — глубокие, пересекающие щёки, как трещины на старом зеркале. Один глаз горел красным, другой был зелёным, как лес, в котором он блуждал. Её кожа была серой, как пепел, а волосы белыми, как снег. Но в её глазах не было злобы. Только удивление. Надежда. И что-то ещё, что он не мог назвать.

— Ты не боишься меня, — сказала она, и её голос был хриплым, как у того, кто долго молчал.

— Нет, — ответил он. — Ты не сделала мне ничего плохого.

Она сделала шаг вперёд, и он почувствовал её запах — полынь, дым, и что-то сладкое, что сводило с ума. Она была близко, так близко, что он мог видеть каждую морщинку на её лице, каждую линию, которая была проведена болью.

— Ты — Непроклинаемый, — сказала она, и это был не вопрос, а утверждение. — Я вижу это. Твоя аура чиста. Ты — тот, кого я ждала сто лет.

Алекс смотрел на неё, и он чувствовал, как его сердце бьётся всё быстрее. Он не знал, что это за чувство — страх, надежда, или что-то более глубокое. Но он знал, что не может отвести от неё взгляд.

— Я ищу ответы, — сказал он. — Я хочу знать, почему я здесь.

Она улыбнулась, и в её улыбке было столько боли и надежды, что у него перехватило дыхание.

— Я дам тебе ответы, — сказала она. — Но сначала... ты должен войти. Я заварю чай.

ГЛАВА 4: ДЕРЕВНЯ НА ОПУШКЕ

Он стоял на пороге башни, и её стены, казалось, давили на него, хотя он не мог объяснить это чувство. Морвена, которая только что пригласила его войти, стояла в нескольких шагах от него, и её глаза — один красный, один зелёный — смотрели на него с той смесью удивления и надежды, которая заставляла его сердце биться быстрее. Но он не вошёл. Что-то внутри него, какой-то древний инстинкт, шептал ему, что сначала он должен увидеть мир, в который попал, прежде чем погружаться в его тайны.

— Я должен подумать, — сказал он, отступая на шаг. — Я должен увидеть, что здесь происходит. Это слишком много для одного раза.

Морвена наклонила голову, и в её глазах мелькнула тень разочарования, но она быстро скрыла его.

— Я понимаю, — сказала она. — Ты только что попал в этот мир. Ты должен увидеть его своими глазами. Иди. Деревня недалеко отсюда, на опушке леса. Там ты увидишь, как живут люди. Но будь осторожен — они не любят чужаков. Они боятся того, чего не понимают.

Он кивнул и повернулся, чтобы уйти. Но перед тем, как шагнуть в туман, он обернулся и посмотрел на неё. Она стояла в дверном проёме, и свет изнутри башни очерчивал её силуэт, делая её похожей на видение из сна.

— Я вернусь, — сказал он. — Мне нужно просто осмотреться.

— Я буду ждать, — ответила она, и в её голосе была такая тихая уверенность, что он почувствовал, как его сердце сжимается от странного чувства — благодарности, возможно, или чего-то более глубокого.

Он пошёл по тропе, которая вела от башни через болото. Туман клубился вокруг него, влажный и холодный, и он чувствовал, как его ботинки вязнут в мягкой, болотистой земле. Вокруг него летали светлячки — не такие, как в его мире, а большие, с голубым свечением, которое освещало путь. Он шёл, и лес вокруг него постепенно менялся. Болото уступало место твёрдой земле, и деревья становились выше, их кроны смыкались над головой, создавая зелёный туннель, по которому он шёл, как по коридору в другой мир.

Через час он вышел на опушку. Лес расступился, и перед ним открылась деревня. Она была небольшой — два десятка домов, сложенных из тёмного дерева, с крышами, покрытыми дерном. Дома стояли в два ряда, образуя главную улицу, в конце которой виднелась старая каменная церковь с облупившейся крышей. Над деревней висел дым — тонкий, едва заметный, смешивающийся с туманом, и в воздухе пахло дровами и печёным хлебом.

Алекс остановился на краю деревни, чувствуя, как его сердце бьётся быстрее. Он не знал, как его встретят люди, но он был готов ко всему. Он сделал глубокий вдох и шагнул вперёд.

Первые люди, которых он увидел, были женщинами. Они сидели у колодца, стирали бельё или просто разговаривали, и когда они заметили его, их голоса затихли. Они смотрели на него с настороженностью, которая была почти осязаемой. Одна из них, пожилая женщина с седыми волосами, поднялась и подошла к нему.

— Ты чужак, — сказала она. — Мы не видели тебя раньше. Откуда ты взялся?

— Я пришёл из леса, — сказал Алекс, стараясь говорить спокойно и приветливо. — Я потерялся. Я ищу ответы.

Женщина нахмурилась, и её глаза сузились.

— Из леса? — переспросила она. — Никто не ходит через лес. Это место проклято. Там живёт ведьма.

— Я знаю, — сказал Алекс. — Я видел её башню.

Женщина отступила на шаг, и в её глазах мелькнул страх.

— Ты был у неё? — спросила она. — Ты говорил с ней? Ты что, безумец?

— Я просто ищу ответы, — повторил Алекс. — Она сказала, что может помочь мне.

— Она лжёт, — сказала женщина, и её голос стал резким. — Она — проклятие. Её лицо — смерть. Если ты был у неё, ты уже проклят.

К ней подошли другие женщины, и они начали шептаться, бросая на него взгляды, в которых был страх и любопытство. Алекс чувствовал, как его тело напрягается, но он не отступал. Он знал, что должен говорить с ними, что должен понять, что здесь происходит.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я не хочу причинять вам вреда. Я просто хочу узнать, почему я здесь. Почему я оказался в этом мире.

— Ты пришёл из другого мира? — спросил мужской голос. Из-за спин женщин вышел высокий старик с седой бородой и тростью в руках. Его лицо было изрезано морщинами, как старая карта, и его глаза были тёмными и глубокими. Это был староста.

— Да, — сказал Алекс. — Я пришёл из мира, где нет магии. Я не знаю, как я попал сюда. Я нашёл амулет, и он перенёс меня сюда.

Староста подошёл к нему, и его глаза смотрели на него с подозрением. Он остановился в метре от него и медленно обошёл его, изучая его с ног до головы.

— Ты Непроклинаемый, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение. — Я слышал о таких. Ты — тот, на кого не действуют проклятия. Ты — тот, кто может разрушить магию одним своим присутствием. Ты опасен.

— Я не хочу быть опасным, — сказал Алекс. — Я просто хочу понять, что происходит.

Староста нахмурился, и его лицо стало серьёзным.

— Если ты ищешь ответы, ты должен идти к Морвене. Она единственная, кто знает тайны этого мира. Но будь осторожен. Она — проклятая. Её лицо вселяет ужас. Никто не возвращается от неё прежним.

— Я уже был у неё, — сказал Алекс. — Она сказала мне, что может помочь. Но я хочу понять, что здесь происходит. Я хочу увидеть этот мир.

Староста покачал головой.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Этот мир опасен. Магия здесь искажена. Тёмные силы правят бал. Морвена — одна из них, даже если она не хочет этого. Она — дочь демона и эльфийки. Её кровь проклята. Если ты останешься с ней, ты погибнешь.

— Я не боюсь, — сказал Алекс. — Я пришёл сюда, чтобы найти смысл. И я не уйду, пока не найду его.

Староста смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, и в его глазах была борьба — между страхом и состраданием.

— Ты упрям, — сказал он. — Как все, кто ищет истину. Иди, если хочешь. Но предупреждаю тебя — ты можешь пожалеть об этом.

Алекс кивнул.

— Спасибо, — сказал он. — Я запомню твои слова.

Он повернулся и пошёл обратно, к лесу, чувствуя на себе взгляды людей, которые провожали его с тем же страхом и любопытством. Он не знал, что ждёт его впереди, но он знал, что должен идти вперёд.

Когда он вернулся к башне, туман уже начал рассеиваться, и две луны висели в небе, бледные и холодные. Он постучал в дверь, и она открылась сама. Морвена стояла у стола, и перед ней стояла чашка с дымящимся чаем.

— Я знала, что ты вернёшься, — сказала она. — Я чувствовала это.

— Я хочу знать правду, — сказал Алекс, садясь напротив неё. — Я хочу знать, почему я здесь. Я хочу знать, кто ты. Я хочу знать всё.

Она улыбнулась, и в её улыбке было столько грусти, что у него сжалось сердце.

— Тогда слушай, — сказала она. — Я расскажу тебе свою историю.

ГЛАВА 5: ПУТЬ К БАШНЕ

Из деревни Алекс вышел затемно, хотя в этом мире понятие «темно» было условным — две луны висели в небе, как два бледных глаза, и их свет заливал лес призрачным серебром, делая тени длиннее и острее, чем они должны были быть. За спиной остались настороженные взгляды крестьян, шепот женщин у колодца и предупреждение старосты, которое звучало в ушах тяжелым колокольным звоном: «Ты можешь пожалеть об этом». Но Алекс не жалел. Он шел вперед, потому что назад дороги не было — там, в Нью-Йорке, осталась серая жизнь, пустая квартира и чувство, что он исчезает, растворяется в рутине, как сахар в холодном чае.

Тропа, ведущая от деревни к болоту, была узкой и извилистой, и деревья по обе стороны от нее становились все более угрюмыми. Кора их была черной, как обугленные кости, и на ней не было ни лишайников, ни мха — только глубокие трещины, из которых сочился слабый зеленый свет. Воздух сгустился, стал тяжелым и влажным, и в нем появился новый запах — гнилой, сладковатый, как от долго лежавших фруктов. Алекс чувствовал, как этот запах проникает в легкие, оседает на языке, и его желудок сжимался от отвращения.

«Ты должен идти, — сказал он себе, сжимая кулаки. — Ты должен дойти до башни. Она ждет тебя».

Но лес не хотел отпускать его. Из тумана начали появляться тени. Они были бесформенными, полупрозрачными, как дым, и они двигались вокруг него, обступая его, как стая голодных псов. Их глаза — если это можно было назвать глазами — горели тусклым красным светом, и из их ртов доносился шепот, который был похож на шелест сухих листьев, но в котором угадывались слова.

«Ты никому не нужен», — шептала одна тень, скользя перед ним. «Ты ищешь ответы, но ответы принесут только боль. Вернись в свою серую жизнь, Алекс. Там хотя бы ты знаешь, чего ждать».

«Ты всегда был один», — шептала другая, касаясь его плеча холодной, невесомой рукой. «Твоя мать умерла, и ты даже не купил цветы на ее могилу. Твой отец ушел, когда ты был ребенком. Твоя девушка бросила тебя, потому что ты не умеешь любить. Ты всегда будешь один».

Алекс остановился. Эти слова проникали в него, как иглы, и он чувствовал, как они впиываются в самые уязвимые места его души. Он вспомнил лицо матери в рамке на столе — она умерла пять лет назад, и он так и не съездил на кладбище. Он вспомнил отца, который ушел, когда ему было десять, и о котором он ничего не слышал с тех пор. Он вспомнил бывшую девушку, которая сказала: «Ты не умеешь быть счастливым, Алекс. Ты не умеешь любить».

Он закрыл глаза, чувствуя, как боль поднимается внутри него, как она затапливает его, как она хочет сломать его. Но в этот момент амулет на его груди нагрелся — не обжигаяще, а мягко, как рука, которая касается плеча. Тепло разлилось по его телу, и он почувствовал, как голоса начинают затихать, как тени отступают, как будто свет внутри него прогоняет их.

«Нет, — сказал он, открывая глаза. — Это не правда. Я здесь. Я иду. И я не один».

Тени замерли. Их глаза заморгали, и в их взглядах появилось что-то похожее на страх. Они отступили, растворяясь в тумане, и оставили его одного. Алекс стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как его сердце колотится о ребра, как пот стекает по спине. Но он выдержал.

Он пошел дальше.

Лес становился все более темным и враждебным. Деревья здесь были скрученными, как пальцы старух, и их ветви тянулись к нему, пытаясь схватить его за одежду. Из-под земли выступали корни, похожие на змей, которые извивались, преграждая путь. Где-то вдалеке раздавался вой — низкий, протяжный, который, казалось, шел из самой глубины земли. Алекс сжимал кулаки и шел вперед.

Через час он почувствовал усталость. Ноги гудели, спина болела, и каждый шаг давался с трудом. Он остановился у большого камня, покрытого мхом, и сел на него, чувствуя, как его тело просит отдыха. Он снял амулет с шеи и посмотрел на него. Руны все еще двигались, переливаясь серебряным светом, и он чувствовал, как от них исходит тепло.

«Почему я здесь? — спросил он себя. — Зачем я иду к ней? Что она может дать мне?»

Он вспомнил ее лицо — изуродованное шрамами, но с глазами, которые смотрели на него с надеждой. Он вспомнил ее голос — хриплый, но мягкий, как шелест листьев. Он вспомнил, как она сказала: «Я ждала тебя сто лет». И он понял, что не может остановиться. Он должен прийти до нее. Он должен узнать, почему амулет привел его именно к ней.

Он встал и пошел дальше.

Туман сгущался, и тени снова начали появляться вокруг него. Но теперь они не шептали — они просто смотрели на него, следя за каждым его шагом. Алекс чувствовал их взгляды на своей спине, на затылке, на руках, но он не оборачивался. Он шел вперед, сжимая амулет в руке, и чувствовал, как его тепло защищает его.

И вдруг он увидел ее. Башня стояла на холме в конце болота, черная и угрюмая, с красными окнами, которые горели, как глаза зверя. Она была окружена туманом, и вокруг нее не было ничего — только пустота и тишина.

Алекс остановился. Он смотрел на башню и чувствовал, как его сердце бьется быстрее. Он был близко. Он почти дошел.

Он сделал последний шаг и постучал в дверь.

Дверь открылась сама.

Внутри было темно, и только красный свет из окон падал на каменный пол, создавая причудливые тени. Из темноты вышла фигура — высокая, тонкая, в черном плаще. Она подняла голову, и капюшон упал, открывая лицо, которое было изуродовано шрамами. Один глаз горел красным, другой был зеленым, как лес.

«Ты пришел, — сказала она, и в ее голосе была такая смесь надежды и боли, что у него перехватило дыхание. — Я ждала тебя».

Алекс смотрел на нее, и он чувствовал, как его тело наполняется странным спокойствием. Он не знал, что ждет его впереди, но он знал, что он на месте.

«Я здесь, — сказал он. — Я пришел за ответами».

Она улыбнулась, и в ее улыбке было столько боли и надежды, что у него сжалось сердце.

«Я дам тебе ответы, — сказала она. — Но сначала... войди. Я заварю чай».

Он переступил порог, и дверь за ним закрылась.

ГЛАВА 6: ВСТРЕЧА С МОРВЕНОЙ

Дверь за спиной Алекса закрылась с глухим стуком, который отозвался в груди, как удар колокола. Парень стоял на пороге башни, чувствуя, как темнота обволакивает его, как вода, и как воздух внутри становится тяжелым и густым, пропитанным запахами, которые он не мог определить — травы, воск, старая бумага, сухие корни и что-то еще, неуловимое, сладковато-пряное, что щекотало ноздри и заставляло сердце биться чаще. Парень не был готов к тому, что это будет так реально, так осязаемо.

Женщина стояла в нескольких шагах от него, и ее фигура была тонкой, почти хрупкой, но в ней чувствовалась сила, которая не имела ничего общего с мускулами. Ведьма была как натянутая струна — готовая зазвучать или лопнуть. Алекс видел ее лицо и не мог отвести взгляд. Шрамы, пересекавшие щеки ведьмы, были глубокими, как овраги после ливня, и кожа вокруг них была бледной, почти прозрачной, так что под ней угадывались голубые жилки. Глаза Морвены — один красный, как раскаленный уголь, другой зеленый, как мох на старом камне — смотрели на парня с выражением, которое он не мог расшифровать. Страх? Надежда? Недоверие? Все вместе.

— Ты молчишь, — произнесла ведьма. Голос ее был низким, с хрипотцой, как будто она не говорила вслух много лет. — Обычно люди кричат. Или пытаются убедать.

— Я не вижу причин кричать, — ответил Алекс, и удивился тому, как спокойно это прозвучало. Внутри все дрожало, но голос оставался твердым. — Ты не сделала мне ничего плохого.

Морвена усмехнулась — коротко, безрадостно.

— Я проклята, смертный. Мое лицо вселяет ужас. Даже лесные духи, которые не имеют плоти, боятся смотреть на меня. А ты стоишь и говоришь, что не видишь причин кричать. Ты что, слеп?

— Я вижу, — сказал Алекс, делая шаг вперед. — Я вижу шрамы. Я вижу, что ты страдала. Но я не вижу монстра. Я вижу женщину.

Ведьма вздрогнула. Руки Морвены, которые были спрятаны в складках плаща, сжались в кулаки. Алекс заметил это движение, но не отступил. Парень подошел ближе, на расстояние вытянутой руки, и остановился. Теперь он мог разглядеть лицо ведьмы во всех подробностях: тонкие, почти прозрачные веки, которые вздрагивали, когда Морвена моргала; родинку над верхней губой, которая была единственным безупречным пятном на коже; и запах — полынь, дым и что-то сладкое, как переспелая груша, — который проникал в него, обволакивал, заставлял дыхание сбиваться.

— Зачем ты пришел? — спросила ведьма, и в голосе ее появились нотки уязвимости, которые она пыталась скрыть. — Ты знаешь, кто я? Знаешь, что я сделала?

— Я знаю только то, что лесной дух сказал мне, — ответил Алекс. — И то, что написано в дневнике мертвого охотника. Ты — Морвена. Ты — полудемон и полуэльф. Ты проклята. И ты знаешь, почему на меня не действует магия.

Морвена медленно обошла парня, словно изучая его со всех сторон. Алекс чувствовал ее взгляд на своей спине, на затылке, на руках. Он стоял неподвижно, позволяя ведьме рассматривать себя, как экспонат в музее. Наконец Морвена остановилась перед ним, снова лицом к лицу.

— Ты прав, — произнесла ведьма, и в голосе ее звучала усталость — такая глубокая, что Алекс почувствовал, как она оседает у него под кожей. — Ты — Непрокливаемый. Я вижу это по твоей ауре. Она чистая. Белая. Никакой магии, никакой грязи. Такие, как ты, рождаются раз в тысячу лет. Ты пришел из мира, где магии нет, и поэтому ты свободен от ее пут. Ты — тот, кто может видеть истину за иллюзией. Ты видишь меня настоящую, не так ли?

— Да, — сказал Алекс, и это было правдой. Парень видел ее не как чудовище из кошмаров, а как женщину, которая прошла через ад и выжила. Он видел боль в глазах ведьмы, видел, как она сжимает кулаки, чтобы не дрожать. Он видел ее силу.

Морвена отвернулась, и Алекс услышал, как она выдохнула — не то чтобы она задерживала дыхание, но это был выдох облегчения. Ведьма подошла к столу, стоявшему в углу комнаты, и зажгла свечу. Пламя вспыхнуло, и свет разлился по комнате, выхватывая из темноты полки с книгами, пучки трав, висящие под потолком, и печь, в которой тихо потрескивал огонь.

— Садись, — сказала ведьма, не оборачиваясь. — Я заварю чай. Ты, наверно, устал и замерз.

Алекс не спорил. Парень подошел к столу и сел на деревянный стул, который скрипнул под его весом. Стол был массивным, из темного дерева, покрытого слоями времени — царапины, пятна от пролитых зелий, выжженные руны на углах. Алекс провел пальцем по одной из них и почувствовал, как она нагревается под его кожей. Морвена заметила это и усмехнулась.

— Не трогай. Это защитные знаки. Они не сработают против тебя, но могут обжечь, если будешь слишком настойчив.

Ведьма поставила перед парнем глиняную кружку, из которой шел пар. Внутри что-то бурлило, темно-зеленое, с запахом мяты и меда. Алекс поднес кружку к губам и сделал глоток. Тепло разлилось по горлу, опускаясь в грудь и расходясь по животу, как жидкий огонь. Парень почувствовал, как мышцы расслабляются, как уходит напряжение, которое он носил в себе с того самого момента, как поднял амулет с тротуара.

— Что это? — спросил Алекс.

— Травяной сбор, — ответила Морвена. — Успокаивает нервную систему и помогает адаптироваться к местной магии. Не волнуйся, он не причинит тебе вреда. В нем нет магии — только растения.

Ведьма села напротив парня. Она налила чай и себе, но не пила. Морвена просто держала кружку в руках, грела ладони, и смотрела на Алекса поверх края. Алекс заметил, что пальцы ведьмы были длинными и тонкими, с черными ногтями, но не как у вампира — скорее как у женщины, которая много работала руками. На костяшках были шрамы, такие же, как на лице.

— Ты хочешь знать, что такое Непроклинаяемый? — спросила ведьма, нарушая тишину.

— Да, — ответил Алекс. — И зачем я здесь. И почему амулет привел меня именно к тебе.

Морвена поставила кружку на стол и сложила руки перед собой. Пальцы ведьмы переплелись, и Алекс заметил, как она сжимает их, словно пытаясь удержать себя от чего-то.

— Непроклинаяемые — это редчайшее явление в этом мире, — начала ведьма. — Они рождаются в мирах, лишенных магии, и их души остаются чистыми от магических уз. Это значит, что никакое проклятие, никакая чара, никакое заклинание не может коснуться тебя. Ты — как белый лист в мире, исписанном рунами. Но в этом и твоя слабость: ты не можешь использовать магию инстинктивно. Ты должен учиться, прилагать усилия, и каждое заклинание будет высасывать из тебя энергию, как вода высасывает из песка.

— Тогда зачем я тебе нужен? — спросил Алекс. — Если я такой бесполезный?

Морвена улыбнулась — впервые, и эта улыбка была странной. Она не была красивой, но в ней было что-то такое, что заставило Алекса забыть о дыхании. Уголки губ ведьмы приподнялись, обнажая мелкие белые зубы, и шрамы на ее лице пошли рябью, как вода, в которую бросили камень.

— Ты не бесполезен, Алекс. Ты — ключ. Твоя кровь, твоя воля, твое присутствие — они нейтрализуют магию. Если ты находишься рядом, заклинания слабеют, проклятия тают, иллюзии рассеиваются. Ты можешь разрушить чары, которые держатся столетиями. Ты можешь... снять мое проклятие.

Ведьма сказала это просто, без надрыва, но Алекс услышал в ее голосе то, что она пыталась скрыть: мольбу. Морвена ждала этого ответа сто лет. Она хотела, чтобы он сказал «да».

— Как? — спросил парень, хотя уже знал ответ. Дневник охотника, голос леса, все указывало на одно.

— Есть древнее заклинание, — сказала ведьма. — Оно состоит из трех частей. Первая — в Городе Магов, в библиотеке запретных книг. Вторая — в храме водяных духов, на дне озера. Третья — в замке того, кто проклял меня. Алехандро. Архидемон.

Имя архидемона Морвена произнесла, как молитву или проклятие — Алекс не мог понять.

— Он был моим возлюбленным, — продолжала ведьма. — Много лет назад. Он был красив, могущественен и обещал мне вечность. Я была глупой, молодой, доверчивой. Я отдала ему свое сердце. Но ему нужна была не любовь. Ему нужна была моя кровь — кровь полудемона и полуэльфа. Она обладала особой силой, которая могла сделать его бессмертным. Когда я отказалась, он пришел в ярость. Он наложил на меня проклятие уродства, чтобы я была одинока, чтобы никто не мог любить меня, чтобы я сгнила в этой башне на болоте.

Алекс смотрел на ведьму, и он чувствовал, как в нем закипает что-то темное и горячее. Гнев. Не на нее — на того, кто сделал это с ней. Парень сжал кулаки под столом, чтобы не показать это, но Морвена заметила. Ее зеленый глаз блеснул в свете свечи.

— Ты злишься, — сказала ведьма. — За меня.

— А должен радоваться? — ответил Алекс. — Ты рассказываешь мне, что тебя прокляли, потому что ты отказалась отдать свою кровь какому-то демону. И ты ждала сто лет, пока кто-то, вроде меня, появится, чтобы помочь тебе. Или я что-то не так понял?

Морвена отвела взгляд. Ведьма смотрела куда-то в сторону, на огонь в печи, который плясал и отбрасывал тени на стены. Она молчала так долго, что Алекс начал думать, что она не ответит. Но потом она заговорила — тихо, почти шепотом.

— Я ждала не помощи, Алекс. Я ждала того, кто не испугается меня. Я ждала человека, который увидит не монстра, а женщину. Ты — первый за сто лет, кто посмотрел мне в глаза и не отвернулся. Ты — единственный, кто говорит, что я не сделала тебе ничего плохого.

Ведьма подняла на него глаза, и Алекс увидел в них слезы. Они не текли, не скатывались по щекам — они просто стояли в уголках, как роса на траве, готовая упасть при первом дуновении ветра.

— Я не знаю, зачем ты здесь, — сказала Морвена. — Я не знаю, почему амулет выбрал тебя. Но я знаю, что мне нужна твоя помощь. И я знаю, что ты нуждаешься в ответах. Если ты сможешь мне собрать части заклинания и снять проклятие, я научу тебя магии. Я расскажу тебе все, что знаю. Я сделаю тебя сильнее, чем ты можешь представить. Взамен я прошу только одного: не бойся меня. Иди со мной.

Алекс смотрел на ведьму. Парень думал о своей жизни в Нью-Йорке, о серой квартире, о начальнике, который украл его идею, о пустоте, которая была внутри него, как старая рана, которая никогда не заживает. Он думал о том, что у него не было причин оставаться в том мире. Там его ничего не держало — ни семья, ни друзья, ни работа, ни любовь. Он был пуст, как этот мир был полон. И здесь, в этой башне, сидя напротив женщины с лицом, изуродованным шрамами, он впервые за долгие годы почувствовал, что нужен кому-то. Не как сотрудник, не как статистическая единица, а как человек.

— Я помогу тебе, — сказал парень. — Я стану твоим помощником.

Морвена замерла. Ее руки, сжатые в кулаки, разжались, и ведьма положила ладони на стол, открытые, как страница книги. Алекс видел линии на ее ладонях — глубокие, спутанные, как дороги на старой карте.

— Ты уверен? — спросила ведьма. — Ты знаешь, что это опасно? Что мы можем умереть?

— Я знаю, — ответил Алекс. — Но я уже умер в своей старой жизни. Здесь я чувствую себя живым.

Морвена кивнула. Ведьма встала и подошла к полке с книгами. Ее движения были плавными, почти бесшумными, как у кошки. Морвена взяла одну из книг — толстую, в черном переплете с серебряными застежками — и положила ее перед Алексом.

— Это книга заклинаний, — сказала ведьма. — Она написана на языке, который ты поймешь, потому что ты Непроклинаемый. Ты будешь изучать ее, когда я буду в отлучке. Но сначала... сначала я научу тебя основам.

Ведьма подошла к столу, взяла Алекса за руку. Пальцы ее были холодными, как лед, но когда они коснулись кожи парня, он почувствовал, как тепло его тела перетекает в нее. Морвена держала его руку, и Алекс не отнимал ее. Парень смотрел на ее пальцы, которые обхватывали его запястье, на ее ногти, черные и гладкие, как обсидиан.

— Я хочу, чтобы ты почувствовал магию, — сказала ведьма тихо. — Не словами. Не мыслями. Телом.

Морвена провела его рукой над своей, не касаясь, но Алекс чувствовал исходящее от нее тепло. Оно было не таким, как от огня или солнца — оно было электрическим, как статическое напряжение перед грозой. Пальцы парня прошли над предплечьем ведьмы, над локтем, и он чувствовал, как волоски на его коже встают дыбом.

— Ты чувствуешь? — спросила Морвена.

— Да, — ответил Алекс, и голос его дрогнул. — Что это?

— Это моя природа. Сила, которая течет во мне. Ты можешь ее чувствовать, потому что ты чист. Потому что ты не боишься. Потому что ты видишь меня настоящую.

Ведьма повернула его руку ладонью вверх и провела своим пальцем по центру его ладони. Парень почувствовал, как этот жест пронзает его, как удар, который идет не откуда-то снаружи, а изнутри. Алекс сжал кулак, ловя ее палец в свою ладонь, и они замерли, глядя друг на друга.

— Ты боишься? — спросил парень.

— Да, — ответила ведьма. — Я боюсь, что ты исчезнешь. Что ты окажешься сном.

— Я не исчезну, — сказал Алекс. — Я здесь.

Морвена медленно высвободила палец и отошла к печи, делая вид, что проверяет огонь. Алекс смотрел на ее спину, на то, как плащ облегает ее узкие плечи, и думал о том, что он готов идти за ней куда угодно. Даже в замок архидемона.

— Завтра мы начнем обучение, — сказала ведьма, не оборачиваясь. — Сегодня ты должен отдохнуть. Твоя комната на втором этаже, последняя дверь слева. Там есть кровать и свечи.

Морвена помолчала.

— Спасибо, Алекс. За то, что не испугался.

— Спасибо, что не дала мне уйти, — ответил парень.

Алекс поднялся по лестнице, которая скрипела под его ногами, как старые кости. Последняя дверь слева открылась без скрипа, и парень увидел комнату — небольшую, но уютную, с кроватью, застеленной грубым одеялом, и окном, выходящим на болото. Две луны висели над горизонтом, освещая туман, который клубился между деревьями.

Алекс сел на кровать. Он чувствовал усталость, которая навалилась на него, как одеяло, но сон не шел. Парень смотрел на амулет, который висел на его груди, и думал о Морвене. О ее глазах, о ее голосе, о ее пальцах, касающихся его руки. Он не знал, что это за чувство — благодарность? Любопытство? Или что-то еще, более глубокое, более опасное? Но он знал одно: он не хочет уходить отсюда.

Алекс закрыл глаза и погрузился в сон, где его ждали две луны и женщина с лицом, изуродованным шрамами.

ГЛАВА 7: ТАЙНА ИММУНИТЕТА

Утро в башне наступило не с рассветом — в этом мире не было привычного солнца, которое поднималось над горизонтом, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Вместо этого свет просто стал ярче, две луны побледнели и растворились в фиолетовой дымке, и туман, который клубился вокруг башни, начал редеть, открывая болото, покрытое ряской и тиной. Алекс проснулся от того, что где-то внизу звякнул металл, и запах трав поднялся по лестнице, проникая в комнату, как невидимый гость.

Парень сел на кровати, чувствуя, как его мышцы ноют от вчерашнего напряжения. Он провёл рукой по лицу, ощущая щетину, которая уже начала прорастать на подбородке, и вспомнил, что не брился уже несколько дней. В его мире это было бы проблемой — в Нью-Йорке он всегда следил за собой, потому что внешность была частью игры, частью маски, которую он носил. Здесь маска была не нужна. Здесь он был просто Алексом. Чужим. Непроклинаемым.

Он встал с кровати и подошёл к окну. Болото простиралось до горизонта, покрытое туманом, который был похож на молочное море. Изредка из него выныривали чёрные стволы деревьев, скрюченные, как пальцы старух, и на них сидели птицы с красными глазами, которые смотрели на башню с настороженностью. Алекс смотрел на этот пейзаж и чувствовал, как внутри него растёт странное спокойствие. Он был здесь. Он был жив. И он не хотел возвращаться.

— Ты проснулся, — раздался голос снизу. Голос Морвены был низким, с хрипотцой, и он поднимался по лестнице, как дым, проникая в комнату. — Спускайся. Я приготовила завтрак.

Алекс оделся — его куртка всё ещё была влажной от болотной сырости, но другой одежды у него не было — и спустился по лестнице. Ступени скрипели под его ногами, и каждый звук отдавался эхом в каменных стенах. Когда парень вошёл в главную комнату, то застал ведьму за приготовлением завтрака. Морвена стояла у печи, спиной к нему, и помешивала что-то в чёрном котле. Длинные белые волосы ведьмы были собраны в небрежный узел на затылке, открывая шею — тонкую, бледную, с прожилками синих вен.

— Садись, — сказала ведьма, не оборачиваясь. — Я сделала кашу с ягодами. Это не то, к чему ты привык, но с голоду не умрёшь.

Алекс подошёл к столу и сел на тот же стул, что и вчера. Перед ним стояла глиняная миска, наполненная чем-то тёмным и густым, с красными вкраплениями ягод. Пахло сладко и пряно. Парень взял ложку и попробовал. Вкус был странным — как смесь мёда, корицы и чего-то землистого, что он не мог определить.

— Что это за ягоды? — спросил Алекс.

— Кровавый папоротник, — ответила Морвена, ставя перед ним кружку с чаем и садясь напротив. — Растёт только на болотах. Укрепляет иммунитет и помогает привыкнуть к магии. Не бойся, не ядовито.

Ведьма смотрела на него с мягким любопытством. Сегодня Морвена выглядела иначе — менее напряжённой, что ли. Шрамы на её лице всё ещё были видны, но утренний свет делал их менее резкими, превращая в бледные линии на белой коже. Её глаза — один красный, один зелёный — смотрели на парня с той же смесью надежды и настороженности, что и вчера.

— Ты спал хорошо? — спросила ведьма.

— Лучше, чем за последние годы, — признался Алекс. — В этом мире даже сон какой-то другой. Без снов. Или я просто не помню их.

— Это магия, — сказала Морвена. — Твой разум адаптируется. Пока ты здесь, твои сны будут меняться. Скоро ты начнёшь видеть то, что не видел раньше. Мир не только из плоти и костей, Алекс. Есть и другие слои.

Ведьма замолчала, давая парню возможность переварить сказанное. Алекс ел кашу, чувствуя, как тепло разливается по телу, как мышцы расслабляются, а мысли становятся яснее. Он доел, вытер губы тыльной стороной ладони и посмотрел на Морвену.

— Ты сказала, что научишь меня магии, — произнёс Алекс. — С чего начнём?

Ведьма улыбнулась, и в этой улыбке появилась уверенность, даже некоторая игривость.

— Начнём с самого простого. С огня, — сказала Морвена, поднимаясь из-за стола.

Ведьма жестом пригласила парня следовать за собой. Они спустились по лестнице в подвал — туда, где вчера Алекс видел книги и котлы. Комната была больше, чем казалась на первый взгляд: стены были уставлены стеллажами с сотнями книг, на полу лежали связки сухих трав, в углах стояли глиняные сосуды с жидкостями разных цветов. В центре комнаты находился каменный алтарь, покрытый рунами, и на нём стояла свеча — толстая, восковая, чёрная, как ночь.

Морвена подошла к алтарю и обернулась к Алексу.

— Магия — это не заклинания и не палочки, — сказала ведьма. — Это воля. Ты должен хотеть чего-то так сильно, чтобы мир вокруг тебя подчинился. Огонь — самый простой элемент. Он отвечает на желание. На страсть. На гнев. Ты когда-нибудь чувствовал такой сильный гнев, что хотел что-то сжечь?

Алекс вспомнил Стивена Райана, своё увольнение, все те ночи, когда он сидел над кодом, а его начальник присваивал его идеи. Гнев всё ещё был там, внутри, как тлеющие угли.

— Да, — сказал парень. — Чувствовал.

— Хорошо, — произнесла Морвена. — Закрой глаза. Представь этот гнев. Дай ему форму. Дай ему свет и тепло. А теперь протяни руку к свече и скажи: «Гори».

Алекс закрыл глаза. Он вспомнил кабинет Стивена — вид с двадцать пятого этажа, кожаное кресло, которое тот никогда не занимал, плакат с надписью «Think Big». Он вспомнил, как Стивен говорил, что его идея «гениальна», но «нужно ещё немного доработать». Как он сидел в своём офисе, когда Алекс уволился, даже не повернув головы. Гнев поднялся в парне, горячий и резкий, как приливная волна. Алекс сжал кулак и протянул руку к свече.

— Гори, — сказал Алекс.

Ничего не произошло. Алекс открыл глаза. Свеча стояла, как стояла, чёрный фитиль даже не задымился.

— Ты слишком сильно давишь, — сказала Морвена. — Магия — это не приказ. Это просьба. Ты просишь мир измениться для тебя. Ты договариваешься с ним. Попробуй ещё раз. Но не дави. Представь, что ты гладишь кошку, а не бьёшь её.

Алекс усмехнулся, несмотря на раздражение.

— Гладишь кошку, говоришь?

— Да, — ответила ведьма. — Представь, что свеча — это живое существо. Она хочет гореть. Ей нужен только толчок. Ты — этот толчок. Не приказывай. Просто... позови.

Алекс снова закрыл глаза. На этот раз парень не думал о гневе. Он думал о тепле — о том, как вчера, когда он пил чай, тепло разливалось по его телу, как жидкий свет. Он думал о руке Морвены, когда она касалась его запястья. О том электрическом ощущении, которое пробежало по коже. Алекс позвал это чувство, позволил ему наполнить его пальцы, кисть, предплечье. Парень сделал вдох и выдохнул.

— Зажгись, — прошептал Алекс.

Свеча вспыхнула. Маленьким, дрожащим пламенем, которое осветило его лицо и алтарь. Алекс открыл глаза и уставился на огонь. Он был настоящим. Он был живым.

— Ты сделал это, — сказала Морвена, и в голосе ведьмы звучала искренняя радость. — Ты зажёг свечу.

Алекс повернулся к ведьме. Морвена стояла рядом, и в её зелёном глазу мерцал ответ пламени. Ведьма улыбалась — широко, открыто, и на мгновение её шрамы исчезли, уступив место молодой, красивой женщине.

— Ты видел это? — спросил Алекс, чувствуя, как внутри него растёт странное, незнакомое чувство. Гордость? Восторг? Что-то более простое, более человеческое.

— Видела, — сказала ведьма. — Ты прирождённый маг, Алекс. Ты просто не знал этого.

Морвена подошла к парню, и между ними было уже не расстояние, а только воздух, пропитанный запахом серы и воска. Ведьма подняла руку и коснулась его лица — провела пальцем по линии скулы, останавливаясь у уголка губ. Её прикосновение было холодным, но он чувствовал, как под пальцами его кожа становится горячей.

— Ты дрожишь, — сказала Морвена.

— Да, — ответил Алекс.

— От холода? — спросила ведьма.

— Нет.

Ведьма медленно убрала руку, и парень почувствовал, как это отсутствие острее любого прикосновения. Морвена отошла к столу, взяла книгу и протянула ему.

— Это книга огненных заклинаний, — сказала ведьма. — Изучай её. Сегодня днём я проверю, как ты запомнил основы.

Морвена вышла из комнаты, оставив парня одного с горячей свечой и книгой в руках.

Алекс провёл остаток утра за книгой. Текст был странным — написанным на языке, который он понимал, но который не мог вспомнить. Буквы изгибались, как ветви, и когда парень смотрел на них, они начинали двигаться, складываясь в образы: языки пламени, клубы дыма, лица людей, которых он никогда не знал. Алекс читал о том, как огонь связывает мир живых и мёртвых, как он может быть как благословением, так и проклятием. Он узнал, что огненная магия требует не только воли, но и жертвы — каждый раз, когда ты зажигаешь огонь, ты отдаёшь часть себя.

К полудню парень смог зажечь свечу с трёх попыток, не закрывая глаз. Алекс чувствовал, как энергия вытекает из него, как вода из треснутого кувшина, но это было приятно — как после хорошей тренировки, когда мышцы болят и ты знаешь, что стал чуточку сильнее.

Морвена вернулась с корзиной, в которой лежали травы. Ведьма поставила её на стол и начала перебирать, связывая в пучки. Алекс наблюдал за ней. Движения Морвены были точными, почти ритуальными — она отделяла стебли от листьев, сортировала их по цвету и размеру, связывала красной нитью. Ведьма делала это с такой сосредоточенностью, что парень не решался заговорить.

— Ты хочешь спросить что-то, — сказала Морвена, не поднимая головы.

— Да, — признался Алекс. — Как долго я буду учиться? Сколько времени потребуется, чтобы я стал достаточно сильным, чтобы пойти с тобой в Город Магов?

Ведьма отложила травы и села на стул, положив руки на колени.

— Зависит от тебя, — ответила Морвена. — Некоторые учатся годами. Другим хватает недель. Ты — Непрокливаемый, и это значит, что у тебя нет магического фона, который мешал бы другим. Ты как чистый холст. Но это также значит, что ты устаёшь быстрее. Твоя энергия не восстанавливается магией — только сном и едой.

— И сколько у нас есть времени? — спросил Алекс. — Скажем, Алехандро уже знает, что я здесь. Карлики видели меня, духи говорили с тобой. Архидемон скоро пришлёт кого-то, или придёт сам.

Морвена кивнула, и её лицо омрачилось.

— Он знает, что ты здесь, — сказала ведьма. — Я чувствую его присутствие в магии, которая течёт вокруг башни. Он ищет тебя. Но пока он не может приблизиться — мои защитные чары достаточно сильны. Но надолго их не хватит. Через месяц или два они ослабнут, и тогда он сможет проникнуть.

— Тогда нам нужно успеть за месяц, — сказал Алекс.

— Это безумие, — ответила Морвена, но в глазах ведьмы мелькнул огонь. — Ты понимаешь, что мы можем не успеть? Что мы можем умереть?

— Мне нечего терять, — сказал парень. — Я уже потерял всё, что можно было потерять. А здесь у меня есть цель.

Ведьма смотрела на него, и в её взгляде была такая глубина, что Алекс почувствовал, как тонет в ней. Морвена встала, подошла к нему и опустилась на колени перед его стулом. Её руки легли на его колени, тёплые и тяжёлые, и он чувствовал их вес через ткань штанов.

— Ты не боишься, — сказала Морвена, и это был не вопрос, а констатация.

— Боюсь, — признался Алекс. — Но я не позволяю страху управлять мной.

Ведьма наклонилась и поцеловала его. Это был не вчерашний целомудренный поцелуй в щеку. Это было нечто другое — полное, глубокое, жаркое. Её губы были прохладными, но в них чувствовался огонь, который жил внутри неё, который она сдерживала сто лет. Алекс ответил на поцелуй, и в его груди вспыхнуло пламя, не магическое, а человеческое, которое жаждало тепла, жаждало близости, жаждало её.

Парень положил руки на плечи ведьмы, скользнул по ним вниз, к талии, обхватил её. Морвена была тонкой, почти хрупкой, но в ней чувствовалась сила, которая пульсировала под кожей, как живая. Алекс сжал ведьму в объятиях, и Морвена не отстранилась. Она прижалась к нему, и он чувствовал, как её тело дрожит — от холода или от желания, он не знал.

— Алекс, — прошептала ведьма, отрываясь от его губ. — Ты не знаешь, что делаешь со мной.

— Скажи мне, — ответил парень.

— Ты разбудил во мне то, что я думала, умерло. Желание. Жажду. Я хочу тебя, Алекс. Но я боюсь.

— Чего? — спросил Алекс.

— Что я слишком сильно привяжусь. Что ты уйдёшь. Что ты умрёшь. Что я снова останусь одна.

Алекс провёл рукой по волосам ведьмы — белым, как снег, тонким, как паутина. Он почувствовал, как Морвена вздрогнула от его прикосновения.

— Я никуда не уйду, — сказал парень. — Я здесь, потому что хочу быть здесь. С тобой.

Ведьма подняла на него глаза, и он увидел в них слёзы — настоящие, которые текли по её щекам, пересекая шрамы, как реки, прорезающие землю.

— Ты не можешь обещать этого, — сказала Морвена. — Ты не знаешь, что ждёт нас впереди.

— Знаю, — ответил Алекс. — Но я хочу пройти этот путь с тобой.

Ведьма улыбнулась сквозь слёзы, и в этой улыбке было столько боли и столько надежды, что Алекс не выдержал. Парень наклонился и поцеловал её снова — ещё глубже, ещё отчаяннее, вкладывая в этот поцелуй всё, что он не сказал. Морвена ответила, и её руки скользнули по его груди, расстёгивая пуговицы куртки. Алекс чувствовал, как пальцы ведьмы касаются его кожи, как они движутся вниз, к животу, оставляя за собой дорожки огня.

Алекс отстранился, чтобы посмотреть на неё. Свет свечи падал на лицо ведьмы, и шрамы казались золотыми линиями, вырезанными на мраморе. В этот момент Морвена была не проклята, не изуродована — она была прекрасна в своей уязвимости, в своей силе, в своей готовности открыться ему.

— Морвена, — сказал Алекс. — Я не знаю, что будет завтра. Но сегодня я хочу быть с тобой.

Ведьма кивнула, и он взял её за руку, чтобы подняться. Они вместе поднялись по лестнице в комнату Морвены, которая была на верхнем этаже башни. Там было темно, только одна свеча горела на подоконнике, отбрасывая тени на стены. Кровать была большой, с балдахином из тёмной ткани, и когда они упали на неё, Алекс почувствовал, как Морвена притягивает его к себе, как она целует его шею, плечи, грудь.

Парень не думал о том, что правильно, что неправильно. Он не думал о правилах или последствиях. Алекс просто чувствовал — её тело под его пальцами, её дыхание на своей коже, её стон, когда он касался её груди, твёрдой и тёплой под слоем ткани. Парень позволил себе быть в этом моменте, быть свободным от всей боли, которая тяготила его в прошлой жизни.

Они занимались любовью медленно, как будто у них была вечность. Алекс целовал шрамы Морвены, и каждый поцелуй был как обещание — что он не отвернётся, что он примет её такой, какая она есть. Ведьма шептала его имя, и это имя звучало в его ушах как заклинание, как молитва.

Когда всё закончилось, они лежали рядом, и Морвена гладила грудь парня, а он смотрел в потолок и думал о том, что эта ночь изменила его больше, чем все его тридцать лет жизни.

— Алекс, — сказала ведьма тихо, почти шёпотом. — Я хочу, чтобы ты кое-что знал.

— Что? — спросил парень.

— Я боюсь, что полюбила тебя. А этого не должно было случиться.

Алекс повернулся к ней, привлёк к себе, чувствуя, как её тело прижимается к нему.

— Я хочу, чтобы ты знала, — ответил парень, — что я уже люблю тебя. И я не боюсь этого.

ГЛАВА 8: ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Свет просачивался сквозь щели в деревянных ставнях, ложась на пол золотистыми полосами, которые пересекали каменные плиты и поднимались по стенам, обнажая трещины и неровности старой кладки. Алекс лежал на кровати, чувствуя, как тепло тела Морвена всё ещё сохраняется на его коже, как запах её волос — полынь, дым и что-то сладкое — смешивается с утренним воздухом. Парень смотрел в потолок, где тени от свечей плясали в такт с его дыханием, и думал о том, как странно устроена жизнь: ещё вчера он был никем в Нью-Йорке, а сегодня лежал в постели ведьмы из другого мира, чувствуя, как его сердце бьётся в такт с её.

Рядом тихо дышала Морвена. Ведьма спала на животе, её белые волосы разметались по подушке, как лунный свет, и её лицо было безмятежным — шрамы казались менее глубокими, почти нежными линиями на бледной коже. Алекс смотрел на Морвену и не мог понять, как она может быть такой сильной и такой уязвимой одновременно. В её спящем лице не было ни проклятия, ни боли — только тишина и покой, которые парень не видел в ней ни разу за всё время знакомства.

Парень осторожно приподнялся на локте, стараясь не разбудить ведьму, и провёл пальцем по её плечу — там, где кожа была гладкой и тёплой. Морвена вздохнула во сне и придвинулась ближе, ища его тепло, и Алекс почувствовал, как его грудь наполняется странным, почти болезненным чувством. Это не было просто желание — это было что-то большее, что-то, что он не мог назвать словами.

— Ты смотришь на меня, — произнесла Морвена, не открывая глаз, и голос ведьмы был сонным, но в нём чувствовалась улыбка.

— Я всегда буду смотреть на тебя, — ответил Алекс.

Ведьма открыла глаза — один зелёный, один красный — и посмотрела на него с той же смесью нежности и уязвимости, которую парень видел вчера. Морвена улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что у парня перехватило дыхание.

— Ты говоришь это каждое утро, — сказала ведьма.

— И каждое утро я говорю это искренне, — ответил Алекс.

Морвена приподнялась и поцеловала его — медленно, нежно, с той глубиной, которая была между ними. Её губы были тёплыми и мягкими, и парень чувствовал, как её руки обвивают его шею, как она прижимается к нему всем телом. Алекс ответил на поцелуй, чувствуя, как внутри него закипает огонь — не магический, а человеческий, который требовал её близости.

— Мы должны встать, — прошептала ведьма между поцелуями, но не отстранялась.

— Мы можем не вставать, — ответил парень, целуя её шею, ключицы, спускаясь к груди.

— Алекс...

— Морвена...

Ведьма засмеялась, и этот смех превратился во вздох, когда его рука скользнула ниже, по животу, к бедру. Морвена была влажной, горячей, и когда Алекс коснулся её, она выгнулась, прикусывая губу, чтобы не закричать. Парень вошёл в неё медленно, чувствуя, как ведьма сжимается вокруг него, как её пальцы впиваются в его плечи. Морвена смотрела ему в глаза, и в них был свет — не магический, а тот, что бывает только у тех, кто нашёл своё место.

Они двигались в ритме, который был старше времени, старше магии, старше обоих миров. Алекс целовал шрамы ведьмы, и каждый поцелуй был как обещание, что он никогда не отвернётся. Морвена шептала его имя, и имя это звучало как молитва, как заклинание, как единственное слово, которое имело значение.

Когда всё закончилось, они лежали в тишине, слушая, как ветер за окном играет с листьями болотных деревьев. Алекс чувствовал, как сердце ведьмы бьётся у него под рукой, как она дышит ровно и спокойно.

— Я не думала, что смогу быть такой счастливой, — сказала Морвена. — Я думала, что эта способность умерла во мне вместе с моей красотой.

— Она не умерла, — ответил парень. — Ты просто ждала того, кто разбудит её.

Ведьма повернулась к нему, и в её глазах блеснули слёзы.

— Ты слишком хорош для этого мира.

— Нет, — сказал Алекс. — Я как раз такой, как надо.

Они спустились вниз, когда свет за окнами стал ярче, а туман начал редеть, открывая болото, покрытое ряской и тиной. Морвена надела свой чёрный плащ, а Алекс — свою куртку, которая успела высохнуть у печи. За завтраком они обсуждали планы, и парень чувствовал, как внутри него растёт решимость.

— Сегодня я научу тебя ещё одному заклинанию, — сказала ведьма, ставя перед ним кружку с чаем. — Но сначала я должна рассказать тебе кое-что важное.

Алекс поднял глаза и посмотрел на Морвену. Ведьма сидела напротив, сложив руки на столе, и её лицо было серьёзным, почти торжественным.

— Я говорила тебе о заклинании, которое может снять моё проклятие, — начала Морвена. — Оно состоит из трёх частей. Первая — в Городе Магов, в библиотеке запретных книг. Вторая — в храме водяных духов, на дне озера. Третья — в замке Алехандро.

— Я помню, — сказал Алекс. — Ты говорила об этом вчера.

— Да, — ответила ведьма. — Но я не сказала тебе, что для того, чтобы собрать эти части, мне нужна помощь. Я не могу сделать это одна. Мне нужен кто-то, кто пройдёт со мной этот путь. Кто не побоится опасностей и не отступит перед лицом тьмы.

Ведьма поднялась из-за стола и подошла к окну, глядя на болото, которое простиралось до горизонта. Алекс смотрел на её спину, на то, как плащ облегает её узкие плечи, и чувствовал, как внутри него поднимается что-то тёплое и сильное.

— Я могу научить тебя магии, — продолжила Морвена, не оборачиваясь. — Я могу сделать тебя сильнее, чем ты можешь представить. Но в обмен на это я прошу тебя о помощи. Я прошу тебя пойти со мной. Помочь мне собрать части заклинания и снять проклятие.

Алекс встал и подошёл к ней. Парень остановился в шаге от ведьмы, чувствуя, как её запах — полынь, дым и что-то сладкое — окутывает его, как невидимая пелена.

— Что нужно сделать? — спросил парень.

Ведьма повернулась к нему, и её глаза — один красный, один зелёный — смотрели на него с той же смесью надежды и боли, что и вчера.

— Собрать три части заклинания, — сказала Морвена. — Они разбросаны по всему миру. Одна — в Городе Магов. Вторая — в храме водяных духов. Третья — в замке Алехандро.

— Это опасно, — сказал Алекс, и в его голосе была твёрдость, которая удивила его самого. — Я понимаю это. Но я чувствую, что это моё предназначение. Я не могу просто уйти.

Ведьма смотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы — те самые, которые она пыталась скрыть, но которые выдавали её уязвимость.

— Ты уверен? — спросила Морвена. — Ты знаешь, что это может стоить тебе жизни?

— Я знаю, — ответил парень. — Но я уже умер в своей старой жизни. Здесь я чувствую себя живым. И если я могу помочь тебе, я сделаю это.

Ведьма сделала шаг вперёд, и между ними осталось только дыхание. Морвена подняла руку и коснулась его лица, провела пальцем по скуле, по линии челюсти, остановилась у губ.

— Ты не представляешь, как много это значит для меня, — прошептала ведьма. — Я ждала тебя сто лет. И вот ты здесь.

— Я здесь, — сказал Алекс. — И я не уйду.

Ведьма наклонилась и поцеловала его — долго, страстно, с той же силой, которая была между ними. Парень ответил на поцелуй, чувствуя, как её руки обвивают его шею, как её тело прижимается к нему. Он обнял Морвену, и они стояли так, у окна, глядя на болото, которое простиралось до горизонта.

— Хорошо, — сказала ведьма, отрываясь от его губ. — Я буду твоим учителем. А ты будешь моим помощником. Мы будем идти по этому пути вместе.

Алекс кивнул, и его сердце наполнилось странным, почти забытым чувством — чувством цели. Впервые за долгие годы парень знал, куда идёт.

— Я согласен, — сказал Алекс. — Я буду твоим помощником. Научи меня всему, что знаешь.

Ведьма улыбнулась — впервые за сто лет, и в этой улыбке было столько света, что парень почувствовал, как его собственная душа откликается на этот свет.

— Добро пожаловать, ученик, — сказала Морвена.

Они протянули друг другу руки, и их ладони встретились. Алекс чувствовал, как тепло ведьмы перетекает в него, как её магия касается его кожи, как она проникает в него, оставляя след. Это было не магическое ощущение — это было что-то более глубокое, что-то, что он не мог описать словами. Это было обещание.

— Что теперь? — спросил парень.

— Теперь мы начнём подготовку, — ответила ведьма. — Я научу тебя всему, что знаю. А когда ты будешь готов, мы отправимся в Город Магов.

— Мы отправимся вместе, — сказал Алекс.

Ведьма сжала его руку, и в её глазах был свет — тот самый свет, который парень видел только когда Морвена смотрела на него.

— Вместе, — повторила ведьма.

Они провели остаток дня за книгами. Морвена показывала Алексу основы магии — как чувствовать энергию, как направлять её, как использовать свою волю, чтобы менять мир вокруг себя. Алекс учился быстро, и ведьма была удивлена его успехами.

— Ты — прирождённый маг, — сказала Морвена, когда он смог зажечь свечу с первой попытки. — Ты не знаешь, насколько это редко.

— Я просто делаю то, что ты говоришь, — ответил парень.

— Дело не в этом, — сказала ведьма. — Дело в том, что ты слушаешь. Ты доверяешь. Ты не боишься ошибаться.

Алекс улыбнулся и взял её за руку.

— Я доверяю тебе, — сказал парень. — Ты — единственная, кому я доверяю в этом мире.

Ведьма сжала его руку, и в её глазах блеснули слёзы.

— Я тоже доверяю тебе, — сказала Морвена. — Ты — единственный, кому я доверяю в этом мире.

Они стояли у алтаря, держась за руки, и Алекс чувствовал, как его сердце бьётся в такт с её. Парень не знал, что ждёт их впереди, но он знал одно: он пойдёт с ней до конца.

— Завтра мы начнём подготовку к путешествию, — сказала ведьма. — Нам нужно будет собрать припасы, изучить карты и подготовить защитные амулеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.